

Иванов Е. Е.

Могилевский государственный университет, Беларусь

**К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ
И РЕКУРРЕНТНОСТИ АФОРИСТИЧЕСКИХ ФРАЗ**

Афоризм представляет собой разноаспектный лингвистический феномен, поскольку по своей природе является сложным объектом, который в разных своих проявлениях может обладать различными категориальными признаками (т. е. образовывать с некоторыми

однородными объектами более одного множества). Первоочередным критерием, с помощью которого все афоризмы можно дифференцировать на две существенные категории следует считать прецедентный vs. непрецедентный характер их функционирования в речи. Прецедентные афористические высказывания актуализируются в речи вне авторского контекста, т. е. воспроизводятся (в самом широком смысле, и как общепотребимые, и как результат индивидуально-речевого цитирования чужой речи). В свою очередь, непрецедентные афористические высказывания производятся говорящим (или пишущим) для выражения той или иной обобщенной и законченной мысли посредством свободного сочетания слов и их лексических значений по существующим в данном языке синтаксическим моделям.

Все непрецедентные афористические высказывания можно разграничить по регулярности vs. нерегулярности повторения в речи стандартной процедуры их «конструирования» из знаков низших уровней языка на рекуррентные (повторяющиеся в речи, но не воспроизводимые в ней как уже «готовые» единицы) и нерекуррентные (не повторяющиеся в речи).

В этой связи требуется специальное определение взаимосвязи и взаимообусловленности таких явлений, как «повторение» и «воспроизведение», «повторяемость» и «воспроизводимость» в их отношении к таким понятиям, как «рекуррентность» и «рекуррентность». Это позволит не только выработать репрезентативные критерии соответствующей дифференциации афористических фраз, но и более точно квалифицировать оппозицию свободные vs. несвободные конструкции, что приобретает особую значимость в контексте так и не решенной до сих пор проблемы об объеме и границах фразеологии как подсистемы языка и лингвистической дисциплины.

Под «рекуррентностью» (recurrence) как лингвистическим понятием следует понимать «фактическое» воспроизведение данной единицы в речи, ее конкретную функциональную реализацию, именно в собственном смысле этого слова «повторяемость» (и, соответственно, встречаемость) знака в некоторых стереотипных контекстах. Рекуррентность (или более привычное «воспроизведение»¹, которое нельзя отождествлять с «воспроизводимостью») знака может рассматриваться в связи с его устойчивостью только по отношению к сверхсловным комплексам. Это можно объяснить тем, что рекуррентность на уровне слов (а тем более на уровне морфем) является значительно более типичной и, самое главное, никак не связанной со свободным или несвободным характером их структуриации из знаков низших уровней языка. Повторяемость же, в свою очередь, любых сверхсловных единиц, во-первых, становится все менее и менее типичной с увеличением сложности знака², и во-вторых, так или иначе соотносится с определенными ограничениями регулярности

сти их образования по правилам кода. Последнее и есть манифестация такого необходимого и достаточного качества собственно языковых единиц, как устойчивость, под которой следует понимать ограничение сочетаемости данной единицы в данном контексте³.

Весьма часто понятие рекуррентности (т. е. фактической повторяемости) имплицитно или эксплицитно отождествляется с понятием воспроизводимости (reproducibility) как основной формы существования компонентов языка, и прежде всего сверхсловных единиц, «под воспроизводимостью, или устойчивостью», которых обычно «понимается их повторяемость в речи в одном и том же качестве (в одном и том же независимом от контекста значении)»⁴. На этом основании, в свою очередь, нередко делается вывод о том, что за основу выделения «готовых» сверхсловных единиц можно брать не собственно структурно-иерархические особенности моделирования определенных единиц определенного уровня языковой системы (которые «не оставляют» последним никаких «шансов» на возможность их свободного образования по правилам кода), а только фактическую частоту употребления данной единицы в данной речевой ситуации⁵. В таком случае наиболее употребительные фразы из числа тех, повторяемость которых в речи имеет только характер «фактического» воспроизведения (т. е. просто повторения), но не является результатом их устойчивости (и соответственно, воспроизводимости), рассматриваются тем не менее как целиком собственно языковые образования.

На практике это обычно находит свое отражение в ошибочной лексикографической кодификации рекуррентных фраз в качестве языковых афоризмов с прямой мотивировкой общего значения. Ср.: *Всему свое время*⁶; *Ждать да догонять – нет хуже; На всех не угодишь* (ср. *На весь свет не угодишь*⁷); *Честь лучше бесчестья* и т. п.⁸ Более того, понимание высокой степени встречаемости в речи отдельных фраз в одном и том же значении и в одной и той же форме как проявления их устойчивости (а это значит и воспроизводимости) детерминировало также практику включения такого рода единиц и в состав фразеологических словарей с соответствующей «семантизацией». Ср.: *Что будет, то будет* (в значении «о действии, предпринимаемом наудачу»); *Что есть, то есть* (в значении «согласен; действительно так»); *Что правда, то правда* (в значении «действительно; в самом деле») и т. п.⁹

Нетрудно заметить, что попытки «фразеологической» (и «паремиологической») семантизации рекуррентных фраз представляют собой преимущественно подмену их действительного (прямого) значения характеристикой некоторой типичной ситуации их употребления и/или возможных экспрессивных коннотаций в речи. Например, *Что есть, то есть* говорится, как правило, в ситуации согласия, что и детерминировало упомянутос

толкование ее значения как 'согласен; действительно так', хотя абсолютно очевидно, что данная фраза не совпадает по своей семантике с предикативом *Да*.

Кроме этого рекуррентным фразам могут приписываться те или иные семантические характеристики синонимичных им пословиц или фразеологизмов. Ср., например, семантизацию упомянутого *Что будет, то будет* и пословиц *Где наше не пропадало* (в значении «попробуем рискнуть (говорится в решимости сделать что-либо, действуя наудачу, идя на риск)») или *<Либо (или)> или либо (или) пропал* (в значении «все или ничего (говорится в решительный момент, когда совершается что-либо и результат неизвестен)») и т. п.¹⁰ Видимо, само наличие последних во многом и определяет появление в паремиологических и фразеологических словарях рекуррентных синонимов устойчивых фраз. Этим, например, можно объяснить лексикографическую кодификацию *На всех не угодишь* как устойчивой фразы, синонимичной пословице *На всех не солнышко не осветит*¹¹ (ср. *На всех и солнышку не угреть*¹²). Иначе очень трудно понять отсутствие в паремиологических и фразеологических словарях множества широко распространенных в речи выражений, аналогичных по своей структуре и способам функционирования (а в некоторых случаях и синонимичным или антонимичным) включенным в такие справочники рекуррентным фразам (р. *Везде (всюду) не успеешь; На дураков не обижаются; Одними словами ничего не добьешься (не изменишь, не сделаешь и т.д.); Привыкнуть ко всему можно (или синонимичное Человек ко всему привыкает); С чего начнешь, тем и закончишь; Чего нельзя, того нельзя; Чего нет, того нет* (при наличии антонимичного «фразеологизма» *что есть, то есть*, см. выше); *Что было, то было* (при наличии антонимичного «фразеологизма» *что будет, то будет*, см. выше); *Что надо, то надо; Что хорошо, то хорошо* (или антонимичное *Что плохо, то плохо*) и т. п.

Высокая встречаемость отдельных фраз в русской речи послужила формальным основанием для включения их даже в состав языкового материала знаменитого «паремиологического эксперимента» Г. Л. Чермакова. Данные фразы, статистически, были без труда опознаны информантами в ходе эксперимента и частично вошли даже в так называемый «паремиологический минимум» русского языка – корпус наиболее распространенных в живой разговорной речи «языковых клише» из числа пословиц, поговорок и иных устойчивых выражений. Ср.: *Наперед не загадывай; Один раз не считается; Приказ есть приказ; Чудес не бывает* и т. п.¹³ Вместе с тем, единственной, по всей видимости, причиной отсутствия паремиографического или фразеографического описания всего корпуса подобного рода единиц (как категориальной разновидности языковых афоризмов либо фразеологизмов) следует считать все же интуитивное ощущение паремиологами и фразеологами

слишком существенной разницы между рекуррентными (свободными) фразами и устойчивыми (несвободными) выражениями в их структуре и способах функционирования.

Рекуррентными являются, как правило, афористические высказывания, которые выражают те или иные обиходно-бытовые либо эпистемологические стереотипы мышления (иногда, кстати, очень древнего происхождения). Регулярная актуализация последних, думается, и детерминирует регулярное воспроизведение в речи их стандартных формулировок. Ср.: *Без труда <в жизни> ничего не добьешься (не достигнешь)*; *Надеяться (рассчитывать) можно (лучше, нужно и т.д.) только на себя*; *Нужно уважать старших (или Уважай старших)*; *Само <по себе> ничего не делается*; *Чего только <на свете> не бывает (не случается)* и т. п.

Важно отметить, что рекуррентными по определению не могут быть фразы, хоть сколько-нибудь отражающие индивидуальное мировосприятие, несовместимое в своих основах с обыденной картиной мира, а значит и имсущие идиостилистическую окраску используемых языковых средств (по правилам риторики и/или в соответствии с закономерностями художественного дискурса). Подобные фразы никогда не утрачивают привкуса авторства (даже если с течением времени по каким-либо причинам и нейтрализуется устойчивая ассоциация с источником ее происхождения), а потому могут только «цитироваться» в речи и никогда не функционируют как остальные единицы языка, которые, согласно известной формулировке А. И. Смирницкого, «принципиально не имеют автора»¹⁴. Именно благодаря этому фразы индивидуально-авторского происхождения сохраняют устойчивый характер своего воспроизведения, даже если они употребляются в прямом значении (и не имеют в своем составе переосмысленных компонентов) и не обладают никакими иными внутривидовыми факторами несвободного характера своего функционирования. Такого рода фразы не редки среди крылатых выражений. Ср.: *Будь каждый при своем* (В. А. Жуковский); *В жизни всегда есть место подвигам* (М. Горький); *Легче плакать, чем страдать* (М. Ю. Лермонтов) и т. п.

Рекуррентными являются также все афористические высказывания так называемого «тавтологического типа», которые функционируют в речи только в своем прямом значении. Ср.: *Война это война*; *Деньги везде деньги*; *Жизнь есть жизнь*; *Правда всегда правда* и т. п.

Рекуррентным высказываниям может быть свойственно наличие фразеологизированной синтаксической модели предложения, которая репрезентирует определенные устойчивые связи и отношения между теми или иными типами реалий и свободно наполняется лексикой в зависимости от контекста или ситуации. Ср.: *Я помню давно учили меня Отец*

мой и мать: Лечить так лечить, Любить так любить, Гулять так гулять, Стрелять так стрелять... Но утки уже летят высоко – Летать так летать, Я им помашу рукой... (А. Розенбаум).

При этом всем рекуррентным фразам свойственны только прямая мотивировка как общего значения, так и их отдельных лексических компонентов, что детерминирует отсутствие какой бы то ни было уникальности семантического и/или грамматического построения таких фраз, а следовательно и их устойчивости. Именно этим рекуррентные афористические высказывания существенно отличаются от тех афоризмов, которые «повторяются» в речи как лексико-грамматические единства, содержащиеся в языковой памяти говорящего и слушающего уже в готовом виде, или «обязательно воспроизводятся» по причине невозможности либо небольшой вероятности их образования заново в том же качестве и в той же форме¹⁵. Иначе говоря, следуя определению А. И. Смирницкого, повторяются «нарочито», а уже не «в силу стечения обстоятельств»¹⁶. В этой связи следует четко разграничивать рекуррентные высказывания и омонимичные им устойчивые фразы с полностью либо частично переосмысленным значением. Ср., например, производимую в речи фразу *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (в прямом значении употребляется как совет, основанный на логике здравого смысла) и поговорку *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (в значении «порядок в чем-либо надо наводить с верхов»¹⁷).

Логико-семантическая и грамматическая структура рекуррентных фраз, видимо, гораздо более детерминирована ментальными стереотипами и/или несвободными синтаксическими конструкциями, чем нерекуррентных, а функционирование первых более дискурсивно обусловлено, чем вторых, что может квалифицироваться как некоторая экстралингвистическая ограниченность свободного производства рекуррентных высказываний в речи. В связи с этим остается открытым вопрос, во-первых, о принадлежности рекуррентных фраз к «стандартам» или «стереотипам» речи, «имеющим информативно-необходимый характер и относящимся к неязыкообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» как «наиболее привычная и экономная форма отражения» ее «тематико-ситуационной специфики»¹⁸, а во-вторых, об установлении собственно лингвистических критериев разграничения рекуррентных и устойчивых фраз. Последнее является, пожалуй, наиболее значимым не только при лексикографической кодификации устойчивости тех или иных регулярно воспроизводимых в речи фраз (т. е. несвободного характера их воспроизводимости), но и, что самое главное, вообще при определении параметров рекуррентности (на уровне фразы) как лингвистической категории.

В этой связи уже сейчас можно вполне определенно утверждать, что отсутствие переносной мотивировки общего значения либо отдельных лексических компонентов является наиболее очевидным и весьма существенным лингвистическим критерием дифференциации рекуррентных и устойчивых фраз. Существенным, но все же недостаточным, поскольку воспроизводимость в «готовом» виде довольно большого количества единиц зависит не от их полной или частичной переосмысленности, а от ряда иных структурных показателей. Ср., например, поговорку *В гостях воля хозяйская*¹⁹, где неизменна грамматическая форма компонентов фразы, невозможна ее синтаксическая трансформация и отсутствует вариантность.

В этой связи более чем значимым представляется то, что рекуррентным высказываниям в отличие от устойчивых фраз кроме отсутствия переносного значения не могут быть свойственны также ни признаки фразеологичности на всех уровнях представления фразы (паличие некротизмов и архаичных грамматических конструкций, постоянство грамматических форм, невозможность синтаксических преобразований, синтаксическая несмоделируемость, отсутствие вариантности, недопустимость вставки внутри нового компонента и др.), ни средства языковой выразительности (ритмичность фразы, рифма, различные фигуры речи и т. д.), ни, наконец, устойчивая ассоциация с источником своего происхождения (свойственная как крылатым фразам, так и паремиям). Именно поэтому рекуррентным фразам и присущ свободный порядок слов, а значит и отсутствие всяких ограничений их сочетаемости кроме требований нормы (т. е. отсутствие «устойчивости» по отношению друг к другу).

Последнее можно считать еще одним собственно лингвистическим критерием разграничения рекуррентных и устойчивых фраз. Достаточно наличия хотя бы одного из выше перечисленных факторов, чтобы детерминировать устойчивость любой фразы. Например, отсутствие вариантности какого-либо устойчивого выражения говорит о том, что процесс его фразеологизации завершен (данная конструкция и структурно, и семантически кристаллизовалась в единое целое) несмотря на то, что соответствующее выражение может вообще не иметь переносного значения (ни целиком, ни на уровне отдельных компонентов). Ср., например, поговорку *Хороша веревка длинная, а речь коротка*²⁰ и т. п. В то же время, например, наличие у *На всех не угодишь* слишком большого количества узуальных вариантных форм, что не свойственно паремиям, не позволяет (вопреки В. П. Жукову и В. И. Далю) квалифицировать данное выражение как устойчивую фразу (в данном случае как поговорку). Ср.: *Всем (каждому) <на свете никогда> не угодишь* или *Всем <на свете> невозможно (нельзя, трудно и т. д.) угодить* или *Всем (каждому) невозможно (нель-*

зя, трудно и т. д.) *удодить* или *Каждому* (на всех, никому) <никогда> не *удодишь* или *На всех* <на свете никогда> не *удодишь* или *Невозможно* (нельзя, трудно и т. д.) *всем* (каждому) *удодить* или *Удодить всем* <на свете> *невозможно* (нельзя, трудно и т. д.) или *Удодить всем* (каждому) *невозможно* (нельзя, трудно и т. д.) и т. д.

Единственным исключением в этом смысле являются только высказывания с фразеологизированной синтаксической структурой. Безусловно, определенная структурная несвобода такого рода фраз очевидна, однако не менее очевидно и то, что синтаксическая фразеологизация высказывания никогда не детерминирует его семиологическую фразеологизацию (возникновение новой единицы с новыми семиологическими свойствами, что бывает, например, при возникновении любого фразеологизма, имеющего или именного когда-либо свободный прототип). Формальным показателем этого можно считать невозможность выявления у высказываний с фразеологизированной синтаксической структурой «номинативной семантики», присущей всем без исключения фразеологизмам (в самом широком смысле слова) и языковым афоризмам и являющейся необходимым условием их существования (и, естественно, понимания) как строевых единиц языка²¹.

Нужно заметить, что рекуррентные фразы, как и вообще все свободные высказывания, могут обладать лишь синтаксической семантикой. Если же какая-либо рекуррентная фраза начинает в какой-либо из своих лексико-грамматических форм устойчиво ассоциироваться с каким-либо фрагментом действительности (номинировать его), то данная фраза в данной лексико-грамматической форме неминуемо переходит в разряд номинативных средств языка. Это, в свою очередь, ведет к деактуализации плана содержания компонентов соответствующего выражения и возникновению между ними уникальной семантической связи, т. е. к несвободному характеру его функционирования (безотносительно, кстати, иных возможных факторов возникновения его устойчивости в речи, которые могут быть как причиной, так и следствием этого процесса, и требуют специального изучения в рамках описания деривации устойчивых фраз, в том числе и афористических). Различение синтаксической и номинативной семантики, а значит и свободной или несвободной структуры тех или иных фраз становится особенно важным в случаях их соответствующей омонимии. Поэтому наличие vs. отсутствие номинативной семантики следует рассматривать в качестве еще одного из лингвистических критериев категориального разграничения, соответственно, устойчивых и рекуррентных фраз.

Таким образом, рекуррентные фразы не относятся к прецедентным единицам языка vs. речи (не воспроизводятся в «готовом» виде), не являются устойчивыми в воспроизведении (не представляют собой целостного комплекса), не обладают переносной мотиви-

ровкой ни общего значения, ни значений своих компонентов, и не имеют номинативной семантики, как все устойчивые выражения. Каждый из названных критериев рекуррентности имеет собственно лингвистическую природу и складывается, в свою очередь, из целого ряда структурных и/или функциональных параметров, обусловленных лингвистическими и/или экстралингвистическими факторами (требующими специального исследования и рассмотренными здесь лишь частично). В то же время ни один из данных критериев не репрезентирует полностью все различия между устойчивыми и рекуррентными фразами. Это, а также то, что указанные критерии не находятся в отношениях логической и предметной зависимости, хотя все они так или иначе взаимосвязаны, требует их использования в качестве дифференциальных только всех одновременно, а не порознь или выборочно.

Что же касается вопроса о принадлежности vs. не принадлежности рекуррентных афоризмов (как и вообще рекуррентных фраз) к так называемым «стандартам» или «стереотипам» речи, то (с учетом определенных выше критериев рекуррентности) вполне очевидно их глубокое различие, поскольку последние несмотря на то, что как и рекуррентные фразы могут не обладать переносной мотивировкой (ни общего значения, ни значений своих компонентов) и не иметь номинативной семантики, тем не менее, во-первых, являются прецедентными, а во-вторых, используются именно как «готовые формулы», что манифестирует устойчивую связь составляющих их слов. «Стандарты» или «стереотипы» речи, если игнорировать их понимание только в терминах стилистики (или культуры речи), следует квалифицировать как наименее фразеологизованную специфическую (наряду, например, с составными наименованиями) часть фразеологического состава языка (в самом широком понимании фразеологии как совокупности сверхсловных, воспроизводимых и устойчивых единиц).

Рекуррентные фразы, в свою очередь, в кругу свободных высказываний наиболее близки по структуре и способам функционирования устойчивым фразам. Можно утверждать, что вообще именно в категориальном различии рекуррентных и устойчивых единиц языка vs. речи и находится подлинный предел объема и действительная граница фразеологии. В этой связи определение параметров рекуррентности лингвистических единиц и непротиворечивое разграничение на этом основании рекуррентных афоризмов и устойчивых афористических фраз приобретает особую значимость не столько для систематизации афористического материала, сколько для верифицированной дифференциации паремнологического (и фразеологического) состава единиц языка.

Примечания

- ¹ Ср.: *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 86.
- ² Если для предложений явление рекуррентности значительно менее продуктивно, чем для словосочетаний, но все же достаточно распространено, то по отношению к сверхфразовым единицам встречается чрезвычайно редко кроме, естественно, случаев их декламации.
- ³ Кстати, именно ограничения регулярности образования той или иной языковой единицы по правилам кода и позволяет «предсказывать вероятность» ее появления в том или ином контексте относительно любой другой единицы языка, см.: *Мельчук И. А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. М., 1960. № 4. С. 73–75.
- ⁴ Ср.: *Плотников Б. А.* Фразеология // Общее языкознание [1983]: Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий / Под ред. А. Е. Супруна. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1995. С. 81.
- ⁵ Например, ср.: *Леонова Л. А., Шубин Э. П.* «Готовые» предложения в современном английском бытовом диалоге // Иностранцы в языке в школе. М., 1970. № 5. С. 12–16.
- ⁶ Ср. омонимичный крылатый афоризм *Всему свое время, и время всякой вещи под небом (Екклесиаст, 3, 1)*, см.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова [1955]. 4-е изд., доп. М., 1987. С. 66.
- ⁷ *Даль В. И.* Пословицы русского народа [1861–1862]: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 316.
- ⁸ *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок [1966]. 4-е изд., испр. и доп. М., 1991. С. 77–116, 183, 355.
- ⁹ См.: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. В 2 т. / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1991. Т. 1. С. 45, 184; Т. 2. С. 84.
- ¹⁰ См.: *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. С. 83, 245.
- ¹¹ Там же. С. 182–183.
- ¹² *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 316. При этом, что весьма симптоматично, рекуррентная фраза *На весь свет не узодишь* подана В. И. Далем как вариант (?) поговори *На всех и солнышку не угреть*.
- ¹³ См.: *Пермяков Г. Л.* К вопросу о паремиологическом минимуме языка: (На материале русских народных изречений) // *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 143–169.
- ¹⁴ *Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. М., 1954. С. 21.
- ¹⁵ Ср.: *Райхштейн А. Д.* Об устойчивых фразах и «готовых» предложениях // Иностранцы в высшей школе. М., 1972. Вып. 7. С. 82.
- ¹⁶ *Смирницкий А. И.* Психология английского языка. М., 1956. С. 226.
- ¹⁷ См.: *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. С. 160.
- ¹⁸ См.: *Винокур Т. Г.* Штамп (речевой) // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 588–589.
- ¹⁹ См.: *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. С. 57.
- ²⁰ Там же. С. 342.
- ²¹ Ср.: *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Номинативные единицы языка как носители и источники национально-культурной информации // *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [1973]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 38–41 и далее.